Кир

БУЛЫЧЕВ

МОНУМЕНТЫ МАРСА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

SHOUT
SHARE
IT

- Кир Булычев
-

Кир Булычев

Усилия любви

(Монументы Марса)

Радик подвез Басманного до дома. Оба молчали - устали смертельно. Басманный вяло шлепнул Радика по плечу, вздохнул на прощание. Радик тоже вздохнул на прощание. Сыпал мелкий, холодный, паскудный дождь, никому не нужный - ни людям, ни сельскому хозяйству.

– Не простудись, - сказал Радик вслед. - Ты нам еще пригодишься.

Человек в летнем костюме сутулился у подъезда. Он промок, одежда прилипла к телу, с длинного носа в такт мелкой дрожи срывались капли. Кто же, подумал Басманный, та фея, что может подвигнуть на такой подвиг мужчину средних лет?

– Вы Басманный? - строго спросил человек, встретившись с ним взглядом.

Вот тебе и фея, улыбнулся Басманный.

– К вашим услугам, - сказал он.

– Я из-за вас простужусь, - сообщил мокрый человек.

– Жаль, - сказал Басманный.

– Мне нужно поговорить с вами наедине.

Кто он? Изобретатель вечного двигателя? Охотник за автографами?

Черные глаза, близко посаженные к переносице, уперлись в лицо Басманного. Оранжевый отсвет из подъезда сверкал в них адским пламенем.

– Заходите, - сказал Басманный. - В любом случае глупо стоять под дождем.

– Я боялся пропустить вас, - сказал мокрый человек.

– Подождали бы в подъезде, подъехали бы в институт…

– А вы знаете, сколько сейчас времени? - спросил мокрый человек. - Пять минут двенадцатого.

– Неужели? - Басманный пропустил гостя в подъезд, вызвал лифт.

От одежды мокрого человека пошел пар.

– Так что же вам нужно? - спросил Басманный.

– Две минуты вашего времени, - сказал мокрый человек,

шмыгая носом. - Вы скажете «да». И я уйду.

– Тогда я скажу «да» немедленно, - ответил Басманный. - И лягу спать. У меня завтра трудный день.

– Знаю, - сказал мокрый человек и первым вошел в лифт. - Третий этаж?

– Третий.

– Завтра вы летите на Титан, - сказал мокрый человек. Длинными пальцами он убрал со лба прилипшие черные волосы. - И не пытайтесь отрицать.

– Тут нет тайны, - сказал Басманный. - Если запуск не отменят.

– Все будет в порядке, - сказал мокрый человек. - И я полечу вместо вас.

– Почему? - удивился Басманный.

Двери лифта раскрылись. Басманный пропустил вперед гостя, и тот сразу прошел к двери в его квартиру.

– Потому что мне надо завтра, в крайнем случае послезавтра быть на Титане.

– Почему?

– Потому что послезавтра оттуда уйдет рейс к Плутону. Я там должен быть раньше. У вас есть кофе?

Мокрый человек прошел к креслу, опустился в него, вокруг ботинок образовалась небольшая лужа.

– Сейчас сделаю, - сказал Басманный. - Но вы явно обратились не по адресу.

– Вот это мне лучше знать, - возразил гость. - У меня разработана последовательность действий. Вы в ней - только этап.

Басманный включил кофемолку. Она зажужжала густо, солидно. Дождь смочил подоконник - утром Басманный забыл задвинуть окно. В комнате пахло мокрой листвой и грибами.

– Очень приятно, - сказал Басманный. - А чем вы намерены заняться на Титане? Вы геолог?

– Я арфист, - сказал мокрый человек, вдыхая запах молотого кофе. - Меня зовут Ник. Ник Прострел. Не слышали?

– К сожалению, нет. Я далек от мира арфистов. А что арфисты делают на Титане?

– Не знаю, - признался Прострел. - Я буду первым. Мне нужно застать Таисию.

Кофе поднялся над туркой рыжим горбом, и Басманный разлил его в чашки. Прострел жадно схватил чашку и принялся мять ее пальцами. Басманный не мог оторвать взгляд от пальцев гостя. Чашке было двести лет, и никто прежде не старался ее раздавить.

– Кем же вам приходится Таисия? - спросил Басманный,

надеясь отвлечь Прострела от уничтожения чашки. - Она заболела?

– Она совершенно здорова, - возмутился Прострел. - С чего вы решили, что она больна?

– Тогда объясните мне.

– Я не могу без нее жить. У меня арфа валится из рук.

– Я думал, что арфы на подставках, - сказал Басманный.

– Не понимайте меня буквально, - обиделся Прострел. - Мы знакомы с Таисией три года. Она была на моем концерте. Женщина редкой профессии. Специалист по хондритам. Представляете? Нас влекло друг к другу. Мы собирались соединиться. Если бы не обстоятельства. Я не спал всю ночь. Это нервы!

– Может быть, - сказал Басманный. Ему очень хотелось, чтобы гость поскорее ушел и оставил его в покое.

– Я послал ей письмо, что должен еще раз обо всем подумать. Брачный союз - это серьезный шаг. Вы со мной согласны?

– Согласен.

– Но она не стала ждать.

– Пошлите ей телеграмму, что раскаялись.

– Дело в том… - Вдруг в глазах Прострела начали зреть слезы, скапливаться блестящим валиком на нижнем веке. - Это уже было. Шесть раз. Как минимум. Я говорю вам об этом как мужчина мужчине. Я бы на ее месте не поверил мне. Я ненадежен.

– Так зачем вам на Титан? Вы же снова передумаете.

– Нет, - ответил Прострел. - Она всегда прощала меня. А теперь сказала, что улетает на Плутон. А там Степанян.

– Ну и хорошо. Она ждала три года…

– Я решил, - сказал Прострел.

Он сделал усилие, красные пятна выступили на щеках, чашка, которой было двести лет, разлетелась, кофе брызнул между пальцев на шкуру белого медведя на полу, на светлую обшивку кресла.

– Я не спал ночь, - сказал Прострел, не обращая внимания на бесчинства, которые он натворил.

– Этой чашке было двести лет, - сказал Басманный.

– Как вам не стыдно думать о чашке! - Слезы сорвались с нижнего века, покатились по щекам. - Вы бессердечный человек, Басманный. Я не буду вас жалеть.

– Не надо меня жалеть, - мрачно сказал Басманный. Он собрал осколки чашки и понес их на кухню. Когда он вернулся, в руках Прострела была уже вторая чашка. И он уже начал мять ее в пальцах.

Басманный сказал:

– А ну-ка, отдайте мне чашку.

Прострел чашку вернул, проворчав:

– При чем тут чашка? Я вам завтра достану таких двадцать. Я лечу на Титан и там ей все скажу. Уступите мне свое место.

– Это от меня не зависит.

– А если бы зависело?

– Я бы вас близко к Титану не подпустил.

– Тогда я готов уйти на Титан пешком.

– Это выход, - сказал Басманный. - Я не возражаю.

– Вы смеете шутить!

– Я надеюсь, что ваша Таисия будет счастлива со Степаняном.

– Нет! Я понял, что люблю только ее. Почему вы считаете, что арфист - это не человек? Почему арфист не имеет права полететь на Титан?

– Через год, - сказал Басманный, отхлебывая кофе и разглядывая пятна на шкуре и на обивке кресла. - Арфистов мы будем отправлять через год, когда полеты на Титан станут обычны.

– Безобразие! А если бы я играл на кларнете?

– Кларнетистов мы обслуживаем в первую очередь. Я больше вас не задерживаю.

– А я и не намерен задерживаться, - сказал Прострел. Он поднялся. Он почти высох. - Я понял, что вами руководит стремление к славе. Иначе бы вы уступили мне свою очередь.

– Господи! - удивился Басманный. - При чем тут слава! Нет никакого подвига в том, чтобы телепортироваться на Титан. Даже в специальных отчетах моя фамилия не будет фигурировать. Все уже испытано тысячу раз. До свидания.

– Прощайте, - сказал Прострел, направляясь к двери. - И все-таки я полечу вместо вас.

– Пожалуйста. Летите раньше меня, вместо меня, идите пешком, только оставьте меня в покое. И Таисию тоже.

– Посмотрим, - сказал Прострел, задерживаясь в дверях. - Хотя с вами я, пожалуй, больше не увижусь.

Дверь хлопнула.

Басманный, борясь с ощущением нереальности, огляделся. Нет, Прострел не был кошмаром.

Басманный отхлебнул еще кофе. Кофе совсем остыл. Он подошел к окну. Из подъезда вышла сгорбленная тонкая фигура и бросилась к стоявшему неподалеку флаеру.

Высокий сутулый человек с крепким носом и выразительными глазками вошел в кабинет шефа и робко улыбнулся с порога.

Для своего появления в кабинете шефа Прострел выбрал

самое неудачное время. С утра все в институте шло наперекосяк. Связь с Титаном вдруг начала барахлить, из Центра сообщили, что на четырнадцать часов энергию не гарантируют, на второй станции контроля полетел резервный компьютер. Лисичка была в истерике, куда-то пропал Басманный…

– Здравствуйте, - сказал высокий человек. - Я рад с вами познакомиться.

– Да? - удивился шеф. - Как вы сюда проникли? Я сегодня никого не принимаю. И вообще сейчас ухожу на запуск.

– Знаю, - улыбнулся посетитель. - Моя фамилия Прострел. Я арфист. Мне надо на Титан.

– Очень приятно, - сказал шеф. - Но я не понимаю, кто вас пропустил.

– Ваша секретарша, - сообщил Прострел и уселся в кресло.

– Тогда обращайтесь в управление пассажирских перевозок, - сказал шеф, который не выносил нахалов.

– Когда?

– Года через два. Почти наверняка года через два установки пойдут в серию.

– Это меня не устраивает, - так же серьезно сказал Прострел. - Мне надо быть на Титане завтра. Это последний срок.

– Почему?

– Несчастная любовь, - сказал Прострел.

– Ничего не выйдет, - сказал шеф, поднимаясь, потому что замелькавшие на пульте справа от стола огоньки показали, что присутствие шефа в пусковом зале требуется немедленно.

Прострел поднялся вслед за ним.

– Вы тратите свое и мое время, - сказал шеф.

– Ничего подобного. Вот результаты медицинского обследования.

– Это еще зачем? - Шеф попытался отмахнуться от аккуратно сложенной пачки бумаг и перфокарт.

– Чтобы у вас потом не было неприятностей из-за того, что вы отправили на Титан неподходящего человека.

– Вы будете неподходящим, даже если принесете мне справку из Космического Центра.

– Они именно оттуда, - сказал Прострел.

Шеф быстро шел по коридору, автоматически раскланиваясь со встречными. Прострел тоже мотал головой, словно прожил в институте по крайней мере год.

– Это невозможно, - сказал шеф. - Космический Центр не обследует арфистов. Вы не представляете, до чего они загружены.

– Представляю, - сказал Прострел негромко. - Мне пришлось потратить целый день, пока я всего добился.

– Добились?

– А как же иначе?

Шеф на секунду остановился, посмотрел на Прострела из-под седых бровей мрачным взглядом, взял бумажки и бросил взгляд на гриф: «Космический Центр». Затем поспешил к пусковому залу.

– Я понимаю, Артур Артурович, - догнал его арфист, - что все эти документы и рекомендации от академика Пыхова и третьего института Воскобойникова не играют для вас роли…

– У вас и это есть?

– Все есть. Запуск является, так сказать, внутренним делом нашего института. И состояние здоровья теленавта - дело третье…

– Как вы сказали?

– Теленавт. Это мое изобретение. Я полагаю, что теленавтика, основателем которой вы, Артур Артурович, являетесь, станет со временем основным направлением в мировой науке. А вы как думаете?

– Я на эту тему не думаю, - буркнул шеф, который знал цену грубой лести, но устоять против нее ему было трудно, как и любому основателю мировой науки.

Пусковой зал представлял собой сцену в разгар Бородинского сражения. Разноцветными суетливыми жучками техники различных служб института облепили громоздкую серую матовую установку, словно хотели растащить ее на винтики, что было неправдой - шла последняя проверка узлов. Красивая женщина в голубом халате рыдала на алюминиевом табурете, рядом стоял толстый брюнет со стаканом воды, который при виде шефа громко сказал:

– Басманного все нет. - Это был Радик.

– Домой звонили?

– Не отвечает.

– Он не мог струсить! - произнесла, глотая слезы, красавица.

– Ты, Лисичка, молчи, - сказал Радик. - Связь с Титаном опять барахлит. Кого вместо Басманного отправлять будем… в случае чего?

– Меня, - быстро сказал Прострел. - Я уже готов.

– Это еще кто? - удивился Радик.

Лисичка с интересом поглядела на кандидата в теленавты. Слезы продолжали струиться по ее прекрасному лицу.

Из-под потолка возник глухой голос:

– Артур Артурович, связь с Титаном. У них срочное сообщение.

– Иду, - сказал шеф и быстро побежал к ажурной лестнице на

галерею - полы халата в двух метрах позади.

– Вы будете дублером Басманного? - спросила Лисичка. - Я его не выношу.

Из радиорубки донесся страшный рев шефа. В пусковом зале наступила мгновенная тишина. Но так как вопль не повторился, все вернулись к своим делам.

– Я вас раньше в институте не видела, - сказала Лисичка.

– Это не играет роли, - сказал Прострел. - Мне там нечего делать.

– Басманный тоже не совершает подвига, - сказала Лисичка, и в голосе ее прозвучала неуверенность. Ей хотелось, чтобы ее разубедили.

– Это может каждый, - как назло, согласился Прострел. - Через год так будут отправлять грудных детей. Я, например, отношусь к этому буднично. Если бы не любовь, никогда не стал бы связываться. А дальше что? Ждать на Титане следующего запуска? Сколько ждать?

– Совершенно неизвестно, - сказала Лисичка.

В зал вошла экскурсия, впереди дама в голубых очках.

– А сейчас нам покажут пусковой зал, - сказала дама уверенно. Повела головой, как ящерица в пустыне, и спросила строго: - Кто нам покажет пусковой зал?

Прострел пошел к установке и остановился в нескольких шагах от нее, за спинами техников в желтых халатах, биологов в голубых, теоретиков в костюмах а-ля шеф.

– Вы видите перед собой, - сказал Прострел, глядя поверх голов экскурсантов, - первую в мире действующую межпланетную телепортационную установку.

Подростки достали магнитофончики, щелкнули кнопочками.

– Вековая мечта человечества сбылась, - продолжал Прострел. - Фактически мгновенное перемещение материи на космические расстояния разрешает проблемы транспортировки в пределах Солнечной системы.

– А к звездам? - спросила худенькая девочка.

– И к звездам. В свое время. - Прострел отечески улыбнулся. - Принципиально это уже возможно, однако количество энергии, требуемое для такого перелета, превышает возможности всех станций нашей планеты. Даже сейчас… - голос Прострела окреп, и техники оглядывались на него, не смея сказать, что оратор мешает им работать, - даже сейчас телепортация на Титан заставит Северное полушарие отдать половину энергетических резервов, которые измеряются в миллиардах… - Прострел замолчал, обводя аудиторию горящим взглядом. Он, к сожалению, забыл, в миллиардах чего измеряется энергия.

– Если это так дорого, - сказала дама в голубых очках, - зачем тратить средства…

– Отвечаю! - Прострел направил руку вверх и продолжал: - Человечество стремится к небу. В свое время первые спутники Земли казались слишком дорогими. Теперь их запускают школьные астрономические кружки.

Подростки согласно склонили головы. Они запускали спутники Земли. В свободное от занятий время.

– Но даже в настоящей форме мгновенное перемещение было бы невозможно, если бы не деталь, найденная уважаемым Артуром Артуровичем, которая обессмертит его имя.

Прострел чуть опустил указующий перст, уткнув его в приземистую фигуру шефа, который появился на лестничной площадке, сжимая в кулаке синюю ленту космограммы. Артур Артурович, встретив взгляды экскурсантов, на секунду растерялся и поклонился.

– Именно ему удалось натолкнуться на элементарную, но великую идею! Когда тело определенной массы движется вдоль гравитационных лучей, расход энергии тысячекратно уменьшается в случае, если навстречу из точки, куда оно стремится, будет двигаться тело точно такой же массы в обратном направлении. Эффект качелей - назвали это решение ученые. Эффектом Артура Артуровича назвал бы его я!

– А массы не столкнутся? - вякнула худенькая девочка.

– Массы условны, - сказал Прострел. - Масса фактически не существует. Это потоки элементарных частиц.

– Это что такое? - пришел в себя шеф. - Кто допустил? В день запуска! Что здесь делает Прострел?

– Проследуем дальше, - сказала дама в голубых очках и увела экскурсию в соседний зал.

– Я готов к телепортации, - сказал Прострел.

– Забудьте об этом, - сказал шеф.

– Не могу! - крикнул в ответ Прострел, задрав голову, чтобы удобнее сверлить шефа черными глазами. - Только вы можете понять, что значит любовь.

– Ах, что за пустяки! - отмахнулся шеф и, увидев Радика, потряс перед его носом космограммой. - Что теперь делать? Все пересчитывать, а Басманного нет.

– С минуты на минуту он явится, - сказал Радик. - Он верный человек.

– А если не явится?

– Значит, что-то случилось. Трагическое. И тогда лететь придется другому. Хотя нежелательно.

– Почему нежелательно? - спросил шеф.

– Потому что никто не знает, когда он вернется обратно. У нас запланирована лишь одна телепортация. Никто в Совете не даст в этом квартале энергию на вторую. Вы это знаете.

– Тогда полетите вы, - сказал шеф.

– У меня на послезавтра билеты в театр, - просто сказал Радик. - А на той неделе теща уезжает в отпуск, оставляя меня с женой и пятью детьми. Вы понимаете, что это значит?

– И это настоящий ученый! - сказал шеф. - Долой из института! Мы найдем другого. Любого.

Шеф развернулся всем корпусом и столкнулся с Пузисом, который обмахивался стопкой перфокарт, ожидая очереди поговорить с шефом.

– Пузис, - сказал шеф, и в его улыбке была неуверенность, - вы полетите сегодня вместо Басманного? Правда?

– С удовольствием, - сказал Пузис. - Когда обратно?

– Может быть, через полгода. Но для вас это не проблема?

– Нет, не проблема, - сказал коварный Пузис. - И монография, которую мы с вами заканчиваем, Артур Артурович, подождет. Она все равно в плане будущего года.

– Правильно, - сказал шеф. - Монография подождет. Кстати, вам совершенно нечего делать на Титане, Пузис. Он не по вашей специальности.

– Слушаюсь, шеф, - сказал коварный Пузис и исчез в радиорубке. Шеф обвел глазами армию техников и ученых у его ног. Все слышали разговор, все делали вид, что заняты делом. Только Губернаторов поднял взгляд и сказал тихо:

– Можно, я полечу? Я не женат. Мне всю жизнь хотелось побывать на Титане.

– Вот! - сказал шеф. - А вы говорите.

– Не пойдет! - крикнул снизу Прострел. - Он не поместится в установку. В нем сто пятьдесят килограммов живого веса.

– Сто двадцать, - сказал Губернаторов, который явно не поместился бы в установку.

– Во всей Вселенной не хватит гравитонов, - сказала Лисичка, - чтобы перенести массу Губернаторова на Титан. Но на меня не рассчитывайте. Я завтра лечу в Коктебель.

– Вас, Лисичка, - сказал шеф, - я и не приглашал. Вы даже в виде потока элементарных частиц чрезвычайно опасны. И если вместо Титана вы попадете к вашей косметичке, никто не удивится.

– Спасибо, - сказала оскорбленная Лисичка и вспомнила, что косметичка Алла Семеновна ждет ее вечером. Скорей бы прошел этот запуск.

В зал вбежал Иван Сидорович.

– Он дома! - крикнул Иван Сидорович с порога, жуя половецкий ус. - Он не приедет.

– О ком речь? - спросил в растерянности шеф.

– Мы посылали Ивана Сидоровича к Басманному, - сказал Радик.

– Почему он не приедет? - спросил шеф. - Через час телепортация на Титан. Разве не так?

– Он спит, - сказал Иван Сидорович. - И не хочет просыпаться.

– Так разбудите его!

– Он сказал, что не будет просыпаться.

– Напомните ему, в конце концов, что он участник исторического события.

– Он сказал, что знает.

– И что?

– Перевернулся на другой бок, - сказал Иван Сидорович.

– Я вас предупреждал, - сказал Прострел. - На Басманного нельзя полагаться.

Шеф бросился в радиорубку - шла космограмма с Титана.

– Это удивительно, - сказала Лисичка.

– Я у него вчера был, - прошептал ей Прострел. - Он произвел на меня впечатление слабого человека, не знающего, что такое истинная любовь.

– Ему этого не понять, - ответила Лисичка. - Я знаю.

– Я был вынужден подсыпать ему в кофе снотворного, - сказал Прострел.

– Это преступление! - ахнула Лисичка.

– Да, - согласился покорно Прострел. - На него меня толкнула любовь. Вы понимаете?

– Понимаю, - сказала Лисичка. - Но все равно это преступление.

– У вас не хватит совести выдать меня, - сказал Прострел.

– Не хватит, - согласилась Лисичка.

Большие часы с восемнадцатью циферблатами пробили двенадцать. До запуска оставалось меньше часа.

В радиорубке шеф передал Радику последние данные с Титана.

– Кто летит с Титана? - спросил шеф. - Пирелли?

– Пирелли.

– Еще вчера он был легче на три кило. Разве это не безответственность?

Радик посмотрел на шефа печальными преданными глазами.

– Я не пойду в театр, - сказал он. - И жене придется одной возиться с детьми.

– Спасибо, - сказал шеф. - Я буду приходить к ней по вечерам.

– Да? - И неизвестно было, рад Радик такому решению шефа или нет.

– Ну ладно, - сказал шеф, не дождавшись должной благодарности. - Иди. У тебя какой вес?

– Сейчас узнаем, - мрачно сказал Радик. - Не представляю, как жена управится.

В коридорчике, ведущем к весовой - «массогравитонному отсеку», - почему-то не горел светильник. Радик на секунду приостановился, поджидая Лисичку, чтобы она направила его на верный путь.

– Где ты? - спросил он.

– Я здесь, - ответил мужской голос.

В то же мгновение сильная рука прижала к носу и рту Радика вату, пахнущую хлороформом. Мир закружился и исчез. Последним ощущением Радика была уверенность в том, что его куда-то тащат. И голос Лисички: «Он не заслужил иного».

Ровно за восемь минут до запуска теленавт быстрыми шагами вошел в пусковой зал. Он был в длинном махровом халате с капюшоном, низко надвинутым на глаза. Из рукавов вылезали длинные руки с тяжелыми браслетами - дополнительным весом. Сзади шли два пусковика и Лисичка.

Кинув пронзительный черный взгляд на почтительную толпу техников, первый в мире теленавт исчез в черном люке установки. Пусковики нырнули вслед. Лисичка осталась стоять снаружи, словно охраняла установку от врагов.

Шеф поглядел на установку, спросил:

– Все готово? Он там?

– Он там, - ответила Лисичка.

– Он там, - ответили техники.

Шеф проследовал к пульту. Пульт сверкал огнями, как карнавальная улица в Рио. Метроном отсчитывал последние секунды. Еще немного, и теленавт перестанет существовать. Он превратится в поток гравитонов и мгновенно перенесется к Титану. А встречный поток с теленавтом с Титана материализуется в установке, поблескивающей под множеством прожекторов и сканеров, линз и объективов…

– Десять, девять, восемь, семь, шесть…

В этот момент в зал вполз Радик.

– Шеф, - сказал он тихим голосом, которого никто не услышал.

– Пять, четыре, три, два, один… пуск!

– Шеф! - сказал Радик громче.

Шеф обернулся.

– Кто же полетел? - спросил он тихо. - Дезертир!

– Меня подменили, - сказал Радик.

Еще ярче вспыхнули экраны и сигналы.

На экране, который смотрел внутрь установки, появилось торжествующее лицо пусковика. Пусковик поднял вверх большой палец.

– Есть телепортация! - закричал он.

Техники, ученые и обслуживающий персонал бросились друг другу в объятия. Дело свершилось.

Лисичка помогла Радику, от которого сильно пахло хлороформом, подняться на ноги.

– Это, - сказала она, - песнь торжествующей любви.

Из установки, кутаясь в купальный махровый халат, оставленный теленавтом Прострелом, вышла полная молодая женщина.

– Я так больше не могу, - сказал шеф. - Мне семьдесят лет. У меня слабые нервы. Это не Пирелли.

– Нет, - ответила женщина. - Я не Пирелли. Но Пирелли - настоящий джентльмен. И сотрудники вашего института, Артур Артурович, которые работают у нас на Титане, тоже настоящие джентльмены. Когда они поняли, какова сила моей любви к арфисту Прострелу - это имя вам, к сожалению, ничего не говорит…

– Говорит, - сказал Артур Артурович. - Говорит.

– Говорит, - сказала Лисичка.

– Тем более, - сказала решительно женщина в халате.

– Таисия, здравствуйте, - сказала тогда Лисичка. - Он так к вам стремился, чтобы вы не ушли к Степаняну.

– А вы не знаете случайно его адреса? - спросила Таисия. - Я бы поехала к нему немедленно. Я намерена спросить его: женится он на мне или будет колебаться всю жизнь?

– Его адрес, - сказал Радик, тряся головой, чтобы прогнать следы одурения, - Солнечная система. Титан.

– Когда он туда улетел? - тихо спросила Таисия.

– Одновременно с вами, - сказал Радик. - Вы должны были встретиться на полпути.

Таисия молча повернулась, сделала шаг обратно, к установке, но кто-то из техников мягко остановил ее и сказал:

– Следующий запуск через полгода.